

О лья из кабины управления наблюдала за движением пакета кирпича, который поднимал ее башенный кран КБ-674. Пакет проходит пятый, шестой, седьмой этажи... Здесь необходимо левой рукой включить поворот крана и гнать кирпич туда, где бригадир дядя Миша ждет его.

Кран слушается своего машиниста. Он был самым сильным и самым высоким из стоящих рядом на этой стройплощадке кранов, и самым послушным. Ему очень нравилась невысокая, опрятная, подвижная и веселая крановщица.

Утром, когда она в белой косынке шла к нему, он радовался и чуть заметно махал ей стрелой. Она поднимала голову, смотрела — горит ли контрольная лампочка? Но кран знал, Оля здороваается с ним, и это ему было очень приятно — снова быть вместе.

Каждое утро кран ждал и переживал: а вдруг не придет? Тогда придет другой, вечно пьяный, прокуренный машинист — и это плохо. Груз будет раскачиваться сверх меры, стрела останавливаться где попало, каменщики ругаться на чем свет стоит... Крану было очень обидно. Он задыхался от табачного дыма, от самогонного перегара и мечтал о том, чтоб день быстрее закончился.

Сегодня все в порядке, кран плавно закончил поворот и опустил кирпич в то место, куда указывал дядя Миша.

«Молодец, Оля, не спеши, поворачивай. Все, можно ставить, — ду- мал кран. — Порядок».

Бригадир показал большой палец вверх: значит, все хорошо, и мож- но подавать другой груз. Ольга помахала ему рукой, повернула кран.

Сегодня день был приятный, все получалось, погода теплая, солнеч- ная и ветер не мешает, а анемометр показывает норму. С высоты птичье- го полета Оля наблюдала за тем, что делается внизу, на строительной площадке и на проспекте, пролегающим рядом со стройкой. Все было привычно, но всегда интересно.

Ольга высоты не боялась. Это стало главным в выборе профессии, и еще: ей всегда хотелось летать — и маленькой девочкой, и немаленькой.

В детстве за свою смелость и за честность своего пятилетнего брата, который был на два года младше ее, Ольга была наказана отцом дважды в виде болючих шлепков ладонью по определенному месту. На отца она не обиделась, да и на Серегу тоже — за что? Знала же, этого делать нельзя...

Лето было очень жарким. Ольга с подружками пошла на речку, не купаться, нет, просто играть в песочек, младший брат увязался за ними. Вернулись домой к обеду. Отец ремонтировал в дворе свой «москвич», и Сергей направился прямо к нему.

— А Ольга речку переплыла, — сказал он и пошел в дом.

Отец положил ключи, вытер тряпкой руки от мазута.

— Дочка, иди-ка сюда.

Ольга подошла к отцу.

— Что, переплыла?

— Да, папа.

— Страшно было?

— Нет, холодно.

И тут он шлепнул.

— Дочка, нельзя это делать даже взрослым, вода холодная, ключи бьют повсюду, да и течение очень быстрое.

Было очень больно, но она не заплакала.

— Я по течению, а назад через мостик.

— Обещай, что никогда этого делать не будешь. Даже на отмели ку- паться нельзя без взрослых, понятно? — в голосе отца слышалась уг- роза.

— Хорошо, не буду, — пошла в дом, очень хотелось есть.

После обеда в детскую пришла мать, обняла дочь, тихо заплакала, гладила ее по голове и молчала, наверное, не хотела будить спящего сына. Второй шлепок был тоже больным и тоже за храбрость...

Недалеко от поселка, где жила Ольга и ее семья, со времен сороко- вых годов разрабатывалась угольная шахта. Пласт угля был маломощ- ным, и шахту вскоре закрыли. Напоминанием о том времени остались четыре террикона. Четыре остроконечные горы, от которых в ветреную погоду разлетались облака темной пыли, были похожи на удивительные вулканы. Ближе к этим терриконам люди без надобности не подходили, да и скотина обходила это место стороной, кроме коз.

Ольге удалось уговорить подружку и двух мальчишек пойти в поход и узнать, что там происходит возле этих гор.

Пришли быстро, возле подножья самого большого террикона сели передохнуть на травке. Оля из сумки достала хлеб, вареные яйца, перышки зеленого лука и бутылку воды. Вся компания с удовольствием перекусила.

День был теплый, безветренный, ничего не происходило, и Ольге стало скучно. Она посмотрела вверх и на склоне террикона увидела двух коз. Решение пришло мгновенно.

— Мальчишки, полезли на гору, посмотрим, что там находится.

— Олька, если узнают что мы пошли сюда, то попадет, — захныкал Сашка, сосед по улице. — Пошли домой. — Пошли домой, что тут делать, пыль одна.

— Сашка, вечно ты хнычешь. Подождите меня, я быстро. — И она по чуть заметной козьей тропинке начала подниматься вверх.

— Дура ты, Олька, — отгрызнулся Сашка. Но полез за ней, больше смелых не было.

Подъем был достаточно крутой, и он вскоре остановился.

— Оль, я дальше не пойду, пыль мешает, давай вниз, зачем тебе это.

Она не ответила, желание добраться до вершины было необъяснимым.

Идти было трудно, пыль попадала в сандалики, забивалась в рот и нос. Девочка не обращала на это внимание — вверх, вверх. Вот и вершина.

На небольшой площадке лежали две козы, они внимания не обратили на появившуюся девочку.

— Странно, почему они белые, а мое платье превратилось не знаю во что, — сказала Оля и посмотрела вниз.

Ее попутчики, оставшиеся у подножья, были совсем крохотные — как куколки. Поселок, в котором они жили, был как на ладони. Белые домики, зеленые сады, река — голубая ленточка по зеленому ковру полей, красиво.

Дети махали ей руками и кричали, что нужно спускаться. Это оказалась значительно труднее, чем подниматься. Сандалики скользили по песку, она чуть не сорвалась и не покатила вниз. Оля сняла обувь, спускаться стало легче, но руки оказались заняты, тогда она размахнулась и выбросила сандалии. Пыль и песок забивали глаза, набились в уши, дышать стало трудно, в горле пересохло. Она устала и решила отдохнуть. Присела на тропинку, вытянула ноги и в таком положении скользнула по пыли как по воде. Пришлось тормозить пятками, чтоб снизить скорость спуска. Так и приехала к подножью в облаке пыли, грязи и песка. Дети отскочили от этого облака, а из него, из тумана, вышла она.

— Олька, ты как черт, и косы торчат как рога, — сказал Санька и засмеялся.

Смеялись все, катаясь по траве, и Олька тоже. Потом искали сандалики, не нашли, — застряли на горе. Так она и пришла домой — босиком, с торчащими в разные стороны косичками, вся черная-пречерная, только зубы белели.

Мать во дворе развешивала белье на просушку, обернулась на скрип калитки и не узнала свою дочь, которую назвала белым одуванчиком, отправляя гулять.

— Отец выйди-ка во двор, — крикнула она сквозь смех.

Ольга остановилась у калитки, раздумывая, что ей делать дальше.

«В дом нельзя, наверное, лучше сразу в баню», — пришло решение.

Отец вышел на крыльцо увидел ребенка и ошеломился. В руке он держал плоскогубцы, которые упали и загремели по доскам.

— Мать, это что? Или кто? — спустился с крыльца, плоскогубцы не поднял. — Ну-ка, чудо земное, подойди.

Ольга понимала — хорошего ничего не будет, отец не смеялся.

— Красавица, где была?

— Она с черной горки прокатилась, — сказал младший брат, который узнал эту новость у своих друзей и пришел ею поделиться.

— Ну и как? — брови у отца сошлись на переносице.

— Плохо, папа, попка болит.

И он шлепнул, да так, что та боль, которая была, улетучилась. Появилась другая, жгучая и значительно неприятней.

— Ты же могла все кости переломать, ну что за ребенок... Сядь на скамейку и не хнычь, я затоплю баню.

— Я не хнычу, — было очень больно, но Ольга терпела: за дело же.

Заплакала она в бане, когда мать намыливала ее голову, терла мочалкой то место, куда прилип шлепок, локти и колени. Потом пили чай и смеялись до слез...

Ольга подала последний ящик с раствором, и бригадир показал рукой на строительные леса.

— Будем переставлять! — крикнул он.

— Дядя Миша, ветер поднялся, смотрите там, — выглянув из кабины, ответила крановщица. Указатель силы ветра почти зашкаливал. Ольга знала, что работу никто не остановит и леса будет переставлять трудно.

Она подвела стрелу, зацепили первую конструкцию.

— Эта легкая, поставим. — Ольга не спеша подняла груз: качает, парусность большая.

На новое место первая площадка стала хорошо, вторые леса установили нормально, но третьи, самые тяжелые, ветер погнал на только что сложенную стену.

— Оля, держи! — закричали рабочие, не справляясь с силой ветра. — Развали стену!

Надо было отказаться от этой работы, думала крановщица, наблюдая как груз, ей не подчиняясь, медленно наезжает на угол свежей кладки, и она совершила запрещенный прием: включила обратный ход редуктора поворота крана.

— Ну, ты даешь, — застонал тот. — Сначала делаете что попало, а потом вытворяете что вздумается!

Кран закрипел всей своей конструкцией и, чуть дотронувшись до стены, остановился.

— Ладно, сегодня рушить постройку не буду, — решил он.

— Молодец, Оля! — кричали каменщики, радуясь, что все обошлось. — Спускайся, все, сегодня больше грешить не будем...

Ольга окончила школу хорошо, и ее решение поступать в строительное училище для всех было неожиданностью. Когда мать узнала о желании дочери стать машинистом башенного крана, заплакала. Отец пожал плечами — все работы хороши, для женщины главное — удачно выйти замуж.

— Оля, зачем тебе это, работать надо будет, высоко же? — мать вытерла слезы.

— Ничего мама, справлюсь.

— Ты же хотела в институт.

— Хотела, да расхотела. Сашка в строительный поступает.

Все стало понятно. Сашка, Александр — соседский мальчишка, к окончанию десятилетки из парнишки в коротких штанишках превратился в высокого, сильного, красивого юношу. Значит, учиться и работать будут вместе, а там, даст бог, и замуж.

Дружба столь разных по характеру детей была удивительной. Ольга — энергичная, веселая, резкая в суждениях, самолюбивая. Саша — спокойный, уравновешенный, рассудительный. Они были очень разные, но друг без друга не могли прожить и дня, и по возможности всегда были вместе...

Последний год обучения в училище для Ольги пролетел незаметно. Во время производственной практики она работала на башенном кране КБ-403. Наставник запил после получки и две недели не выходил на работу. Ольге пришлось трудиться в полную нагрузку, дело не ждет, и она уверенно управляла краном, за что получила благодарность и хорошую заработную плату. Главный инженер строительного управления, где практиковалась Ольга, предложил ей работу после окончания обучения. Она согласилась и в училище вернулась с направлением на работу, что случилось не так часто.

Александр был занят на строительстве очистных сооружений, в другом районе города, в период практики встречались они редко. По выходным Саша работал, объект был срочный, он очень уставал — так он объяснял редкие встречи с Ольгой. Она переживала за его здоровье и не находила себе места.

Наконец практика закончилась, и они снова вместе, но Ольга уже при встрече почувствовала что-то неладное. Он отводил глаза и смотрел в землю, был невеселым и целовал ее как-то иначе.

— Саша, что случилось, ты не заболел?

— Нет, все в порядке...

Завершение учебы, выпускной вечер захватили Ольгу, и вот уже с удостоверением машиниста башенного крана она приехала домой. Александр остался в городе — завершать строительство очистных сооружений. Так он объяснил нежелание ехать на отдых, — заработки хорошие, некогда.

Два месяца, июнь и июль, Ольга жила в свое удовольствие. Купалась, загорала, ездила с отцом на рыбалку, помогала матери по хозяйству и только по вечерам садилась на скамейку под яблоней и ждала.

Он так и не приехал. Летние денечки пролетели быстро, Ольга вернулась в город. В строительном управлении, где она проходила практику, свое слово сдержали. Она прошла медосмотр, инструктаж по технике безопасности, получила разрешение управлять краном, и начались трудовые будни.

Работа Ольге нравилась своей значимостью. Дома росли и поднимались к небу, где в голубой вышине пролетали самолеты. Иногда Ольге удавалось посадить самолет на конец стрелы, и некоторое время она управляла его полетом. Вот она увеличивала скорость движения самолета, и он летел, сияющий на солнце. Она летела вместе с ним, чувство полета захватывало все существо девушки, это были счастливые секунды...

А в дождливую погоду строительные дела идут ни шатко, ни валко. Заморосил мелкий дождь, и рабочие ушли в бытовку. Свободного времени хоть отбавляй. Ольга почитала книгу, надоело, она отложила ее и посмотрела вниз, где по проспекту сновали автомобили в бесконечном сво-

ем движении, это не прекращалось ни в дождь, ни в снег, ни днем, ни ночью.

Задумалась. Вот уже неделя миновала с тех пор, как она приехала из дома, а Санька не приходил, — совсем совесть потерял. Соскучилась же. Появится — придется наказать. Может, что-нибудь случилось? Не может быть — сообщили бы. «Закончится дождь, поеду к нему на работу».

Он пришел в конце недели. Она чувствовала, что придет, сидела на кровати в своем женском общежитии и ждала. Стук в дверь, дежурная по общежитию на пороге: Ольга дома? Очень симпатичный молодой человек на вахте спрашивает. Поспешай, иначе девки уведут.

— Уведут, значит, не мой... — А сама заторопилась, накинула куртку на плечи, даже не глянув в зеркало, побежала. У окна стоял Александр. Увидев ее, пошел навстречу.

— Здравствуй, Оля. Приехала?

— Здравствуй. Давно уже. Ты что, ошалел?

— Нет.

— Так в чем дело?

Все переживания растаяли, вот он здесь — рядом.

— Пойдем, все объясню.

— Что тут объяснять... — Ольга хотела высказать ему все, что накопилось за эти дни разлуки, но осеклась. Во взгляде Александра, в его поведении что-то было новое и непривычное. Молча пошла к выходу, направилась в сквер, села на скамейку, на которой они часто сидели, прежде чем она уходила в общежитие. Он в нерешительности остановился рядом.

— Садись.

— Нет, Оля, выслушай меня и прости.

— Что? — Она напряглась, сердце забило в предчувствии беды.

— Женюсь я.

— Поздравляю. На ком же? Не на мне случайно?

— Нет, ты ее не знаешь.

У Ольги потемнело в глазах.

— Познакомились на практике. Прости, не хотел я этого, так получилось... она должна скоро родить.

Ольга не понимала, о чем он говорит, только через минуту сказанное дошло до ее сознания.

— Так ты, значит, ни в чем не виноват. — Ольга встала, обида и злость переполняли ее.

В следующую секунду она готова была ударить его по лицу, вцепиться в него ногтями, укусить... Мгновение... Она встала и пошла прочь, слезы брызнули из глаз.

— Предатель, предатель, — шептала она, шла медленно и ждала, вдруг окликнет, и тогда она простит его, они снова будут вместе и будут счастливы...

Утро следующего дня было серым и безрадостным. Ольга делала все автоматически — встала, умылась, привела себя в порядок, позавтракать забыла.

Кран почувствовал, что с его любимицей не все в порядке. С ним не поздоровалась, поднималась по лестнице в кабину долго, и первый подъём был неудачный. Кирпич, который поднимали, зацепил соседний пакет. Поднимался груз очень медленно, остановился, снова пошел. Дядя Миша махал рукой, указывая место остановки, но кран двинулся мимо, потом вернулся.

— *Ладно, не сердитесь,* — *успокаивал кран каменщиков,* — *один раз можно и промазать.*

Но следующие подъемы были тоже нечистыми.

— *Олюшка, ты не заболела?* — со стены крикнул бригадир. — Ты что сегодня?

— *Нет, у меня все в порядке,* — ответила крановщица.

— *Неправда,* — *заметил кран,* — *посмотрите на нее, не улыбается и ни разу не засмеялась, а рука тяжелая — хуже, чем у пьяного мужика!*

— *Отдохни маленько, мы пойдем кирпич штабелевать,* — принял решение дядя Миша.

— *Вот, молодец,* — *откликнулся кран.*

За прошедшую ночь Ольга выплакала все слезы, и сейчас сидела, глядя в небо, и ни о чем не думала. Ветер понемногу разогнал облака, появилось солнце, заглянуло девушке в глаза, та отвернулась и увидела блеснувший в его лучах самолет. Привычным движением руки Ольга развернула кран, посадила самолет на конец стрелы и полетела. Чувство полета вдохнуло в в душу радость жизни.

— *Летать!* — *Ольга засмеялась. Космонавтом, летчиком, радистом, штурманом, стюардессой, в конце концов, летать — только летать!*

И кран облегченно вздохнул...

Через месяц Ольга, не без гордости, получила удостоверение курсанта авиаклуба.

